

Д. Ю. Хомченко, Е. П. Шмидова, Р. С. Щербак

МЕЖДУ РЫНКОМ И ИСТОРИЕЙ: ПРАКТИКИ НЕЛЕГАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА БУДНИ КОПАТЕЛЯ

Коллекционеры обыскивают интернет-магазины, блошинные рынки, аукционы с целью найти интересующие предметы старины. В большинстве случаев эти предметы поступают от археологов-любителей, часто называемых черными копателями. В данной работе рассматривается деятельность малозаметного обычному обывателю, но широко распространенного сообщества копателей. Их можно найти не только на полях близ городов и в окрестностях разрушенных деревень, но и в труднопроходимых горных и лесных массивах, включая отдаленные таежные места. Группа копателей неоднородна как по месту и способам поиска, так и по отношению к находкам и встраиванию в рынок антиквариата. Незаконный статус копательской деятельности создает неоднозначность в их оценке и затрудняет изучение. В российских академических работах популярна точка зрения о необходимости противодействия нелегализованным раскопкам с помощью карательных мер. Однако нормативно и дисциплинарно окрашенные исследования и суждения не могут объяснить то, как устроена эта деятельность, как рекрутируются ее участники, какова их мотивация и внутренняя сегментация, каковы способы встраивания в рынок и какое значение имеют найденные предметы для копателей и сторонних наблюдателей. Для ответа на эти вопросы необходимо провести социологическое исследование, которое частично восполняется авторами статьи. В работе описаны мотивы к занятию копательской деятельностью, отношение к находкам и способы поиска в рамках взаимодействия актор-сети. Также рассмотрены моральные легитимации, сообщество копателей, как происходит встраивание в рынок антиквариата, а также как проходит оценка и продажа находок.

Ключевые слова: неформальная экономика, копатели, металлопоиск, коп, предметы старины, актор-сеть, мотивация копа.

*DANIIL U. KHOMCHENKO, ELIZAVETA P. SHMIDOVA,
ROMAN S. SHCHERBAK*

BETWEEN THE MARKET AND HISTORY: PRACTICES OF ILLEGAL ARCHEOLOGY. A SOCIOLOGICAL VIEW OF THE EVERYDAY LIFE OF A DIGGER

Connoisseurs of the old look through online stores, large markets, auctions in order to find interesting artifacts of the past. In most cases, these items come from amateur archaeologists, often referred to as black diggers. Thus, the work examines the

activities of a community of diggers that is hardly noticeable to the average person, but is non the less widespread. They can be found not only in the fields near cities and in ruined villages, but also in rugged mountain and forest areas. The group of diggers is heterogeneous both in terms of place and methods of searching, and in relation to finds and embeddedness in the antiquities market. The illegal status of digging activities creates ambiguity in their assessment and makes it difficult to study. In Russian academic works, there is a popular point of view about the need to counteract unlicensed excavations with the help of punitive measures. However, normative and disciplinary studies and judgments cannot explain how this activity is organized, how its participants are recruited, what is their motivation and internal segmentation, what are the ways of embedding in the market, and what is the significance of the found objects for diggers and outside observers. To answer these questions, it is necessary to conduct a sociological study without giving an evaluative color. The paper describes the motives for engaging in digging activities, attitudes towards finds and ways of searching within the actor-network interaction. Moral legitimations, the community of diggers, how the integration into the antiquities market takes place, as well as how the evaluation and sale of finds is carried out are also considered.

Keywords: informal economy, diggers, metal detecting, digging, antiquities, actor-network, digging motivation.

Введение. Проблемная ситуация

В июне 2016 года был найден и передан в национальный музей Дании крупнейший клад золотых изделий викингов¹, а в 2022 году под Полоцком был найден средневековый двуручный меч² — очень редкая находка даже для археологических экспедиций. Примечательно то, что эти объекты были найдены в ходе нелегализованного копа группой археологов-любителей³.

Ценители старины прочесывают интернет-магазины, антикварные лавки, блошинные рынки и слушают рассказы про разорившихся потомков старинного рода, вынужденных расстаться с очередной вещичкой.

¹ Белецкая Е. Исторический улов: спасатель из Беларуси нашел в реке 600-летний рыцарский меч. [Электронный ресурс]: Вокруг Света [сайт]. 27.09.2021. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/istoricheskii-ulov-spasatel-iz-belarusi-nashel-v-reke-600-letnii-rycarskii-mech-id837892/?ysclid=197884dor5682682227> (дата обращения: 09.01.2022).

² Как мы нашли самый большой клад викингов. [Электронный ресурс]: МДРегион [сайт]. 20.10.2017. URL: <https://www.mdregion.ru/o-kladoiskatelstve/28-rasskazi-kladoiskatelstvo/3306-kak-my-nashli-samyi-bolshoi-kad-vikingov.html?ysclid=1978c2g8fo241287739> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Понятия «археологи-любители», «черные археологи», «черные копатели» и «камрады» являются устоявшимися синонимами термину «копатели».

Однако многие предметы старины попадают в торговый оборот совсем по другим каналам. Предметы старины «добывают» малозаметные обывателю археологи-любители, которых называют копателями (или копарями). Именно эта группа является объектом нашего исследования.

Копатели — группа неоднородная и диверсифицированная. Кто-то специализируется исключительно на чердаках, кто-то на подводных сокровищах и пр. (Арцыбашева 2015; Бердинский 2005; копанина.рф 2013). В нашей работе мы ограничимся изучением деятельности тех искателей предметов старины, которые проводят раскопки, используя при этом металлоискатели.

Под предметами старины будут пониматься найденные артефакты, которые содержат признаки прошлой эпохи (стилистика, технологии изготовления, используемые материалы и пр.) и имеют соответствующую рыночную ценность, а под копом будет подразумеваться совокупность практик, направленных на поиск и извлечение предметов старины (MESTOKLADA 2014; Арцыбашева 2015). Фактически «коп» является несертифицированной археологической деятельностью с соблюдением или полным игнорированием технологии проведения раскопок.

В России занятие копом наказуемо согласно статье УК РФ 243.2 в редакции 2021 года. Любые археологические поиски без надлежащей лицензии приравниваются к противоправной деятельности. При этом в российском законодательстве нет определения археологических раскопок, но есть понятие культурного слоя¹, нарушение которого наказуемо. Однако границы культурного слоя не имеют четкого определения, что делает затруднительным применение этой правовой нормы.

Мировой опыт в этой сфере разнообразен. Есть страны с жестким запретом на любительскую археологию (Италия, Кипр, Израиль). Есть страны, где поиск и извлечение предметов старины из культурного слоя легализованы (Дания, Германия и США) (МД Арена 2017). В Великобритании для легализации и декриминализации деятельности копателей создали Portable antiquities scheme — базу данных находок археологов-любителей (копателей) для их сотрудничества с наукой (Barford 2020; Gill 2010; Lewis 2016; Thomas 2013). В России же ситуация однозначная — официальная наука в лице археологов и историков призывает искоренять деятельность копателей, что поддерживается законодательством и отчасти правоприменительной практикой (Русланов, Русланова, Воробьева 2014; Тузбеков 2019). Точка зрения о необходимости

¹ В статье УК РФ 243.2 под культурным слоем понимается «слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы».

противодействия нелегализованному копу с помощью карательных мер широко распространена в историко-археологических и правовых текстах. В этих работах детально проработана классификация копателей с точки зрения их соотношения с законом. Однако такие нормативно и дисциплинарно окрашенные суждения не могут объяснить то, как устроена эта деятельность, как рекрутируются ее участники, какова их мотивация и внутренняя сегментация, каковы способы встраивания в рынок. Для ответа на эти вопросы необходимо провести социологическое исследование. Наш исследовательский интерес формирует более широкую повестку, а именно: как организуется социальное действие в неправовом поле? Как возможен социальный порядок при отсутствии «официальных» механизмов регулирования?

Цель нашего исследования состоит в системном описании деятельности копателей, что предполагает решение следующих задач:

- выявить мотивацию копателей;
- описать технологии и организацию их труда;
- выяснить репертуар обращения с находками;
- определить формы коммерческой организованности внутри сообщества копателей;
- описать способы легитимации практик копа, а также восприятие законов, регламентирующих коп.

Работа состоит из введения, трех глав (теоретико-методологической, методической и эмпирической) и заключения. Кроме того, имеется приложение, содержащее характеристики информантов, оказавших бесценную помощь в подготовке данной работы.

Теоретико-методологическая основа исследования

В силу законодательных ограничений на любительский коп эта деятельность относится к неформальной экономике, так как сопряжена с нарушением буквы закона и избеганием контроля со стороны государства (Барсукова 2000). Такая деятельность неизбежно ставит перед исследователем вопрос о способах координации акторов, ценообразовании, доверии внутри сообщества и способах минимизации рисков (Beckert, Wehinger 2013; Beckert, Dewey 2017; François 2021).

Для раскодирования проблемы координации мы предполагаем провести детализированное рассмотрение практики копания. Фокус внимания должен приходиться на экономическую культуру копателей в ее «конститутивной» и «комплиментарной» роли (Levin 2008). В таком случае деятельность на «рынке» мы предлагаем рассматривать не как

самоочевидную в своей «рыночности», но как процесс *экономизации*, требующий новых сборок и пересборок смыслов, которыми копатели наделяют свою деятельность (Çalışkan, Callon 2009, 2010; Zelizer 2008).

Мы предлагаем обратиться к теоретико-методологическим принципам Акторно-сетевой теории, один из видных представителей которой, Мишель Калон, является ведущим исследователем процесса «экономизации»: вовлечение практик в логику рыночного взаимодействия (Çalışkan, Callon 2009, 2010; Muniesa, Millo, Callon 2007). Ему же, вместе с Бруно Латуром, мы обязаны формулированием теории «перевода», помогающей исследователю проследить за трансформацией статуса объекта по мере включения его в практическую деятельность (Каллон 2017; Латур 2002).

Из этой научной традиции следует попытка максимально подробного описания практической деятельности акторов, что является ипостасью «иредукционистского объяснения» (терминология Латура) (Латур 2017; Руденко 2018; Томмазо 2018; Широков 2019). Это не только приближает наше исследование к методологическим принципам антропологии (Geertz 1973), но также на теоретическом уровне предполагает самодостаточность такого описания как исследовательского результата (Латур 2017, Широков 2019).

Для такого подробного описания деятельности копателей необходимо придерживаться принципа онтологической *симметрии человеческих и нечеловеческих акторов*, материальных и нематериальных (Каллон 2017; Латур 2002, 2017). Для этого мы включаем в наш теоретический аппарат концепт *социально-технологических ассамбляжей* (Çalışkan, Callon 2009, 2010; Muniesa, Millo, Callon 2007), что позволяет учитывать роль нечеловеческих акторов: от выкопанных предметов до статей в журналах, формирующих «общественное восприятие» копателей (Де Лаэт, Мол 2017; Руденко 2018).

При этом в разных темпоральных и топологических ситуациях участники процесса интерпретируют эти ассамбляжи совершенно по-разному. Свойства выкопанных предметов существуют не сами по себе, а именно в интерпретации («переводе») различных участников актор-сети. Например, возраст выкопанного предмета интерпретируется копателем в категориях ценности находки (символической и рыночной), тогда как представитель правоохранительных органов трактует возраст находки как индикатор тяжести преступления. Один из классифицирующих признаков в уголовном делопроизводстве по копателям — возраст выкопанного предмета. Или, например, выкопанный артефакт войны может актуализироваться не по своей старине, но по эффективности

в качестве исправного оружия с соответствующими последствиями для разных групп акторов.

Кроме того, важным теоретическим основанием нашего исследования является идея о сопряженности практик «экономизации» и «морализации». Так, В. Зелизер в своих исследованиях «экономизации» показала, как в нее вторгается процесс *морализации* (Zelizer 2008). Например, экономический рост с сфере страхования жизни стал возможен благодаря позитивной морализации этой практики. Можно предположить, что внутри сферы «черной археологии»¹ наблюдается сопротивление негативной морализации, производимой со стороны правоохранителей и академического сообщества. Потенциал позитивной морализации создается копателями в процессе формирования ими *конвенциональных институтов* (Barford 2020; Gill 2010; Lewis 2016; Thomas 2013). Процесс морализации неразрывно связан с ростом напряжения между «черной» и академической археологией, которые конфликтуют не столько по поводу извлекаемых из земли находок, сколько по поводу легитимации и делегитимации практик внеакадемического («черного») копа. Главным вопросом в этом отношении для нас становится то, как эта морализация формируется и реализуется внутри практик копа, продажи находок и взаимодействия с «научным знанием», а также последствия этого процесса.

Если деятельность по выкапыванию объекта моральна, то продажа / приобретение находок значительным образом упрощается, следуя импульсам позитивной моральности, то есть его экономизируемость пролонгируется и подкрепляется.

Мы не сможем сделать вывода о том, что морализация всегда делает возможной экономизацию в той или иной форме, но сможем проследить за тем, как конкретные акторы, попавшие в поле зрения нашего исследования, осуществляют эти процессы в своей практике, и какие результаты они достигают в конкретном моменте своей практической деятельности.

Таким образом, на основе публикаций мы приходим к необходимости затронуть три смысловых аспекта — непосредственно коп, его экономизацию и морализацию. Каждому из них будет соответствовать несколько описательных категорий.

Такая теоретическая основа задает структуру нашего исследования.

---

¹ Черная археология — совокупность нелегальных практик, направленных на поиск и извлечение археологических ценностей из культурного слоя. Является синонимом термину «коп».

Описание «практического копа» мы начнем с мотивационных предпосылок: какими смысловыми категориями копатели объясняют свой начальный импульс к этой деятельности? что ее поддерживает в длительном периоде? Далее, мы рассмотрим практические особенности копания, отмечая в них роль социально-технологических ассамблежей. Следующим шагом станет описание «перевода» выкапываемых объектов в статус благ, имеющих экономическую и / или историческую ценность, а также взаимосвязь этих двух аспектов. Затем мы приступим к описанию процесса практической экономизации — формированию рыночных практик, выстраиваемых вокруг копа. Наконец, сконцентрируемся на морализациях, охватывающих как непосредственное копание, так и выход копателей на рынок.

Методология исследования

На основе анализа тематической литературы был разработан гайд, который включил в себя пять блоков (копательство, сообщество копателей, коллекционирование, рынок и продажи, моральные легитимации), исключая введение и блок уточняющих вопросов. Дизайн структуры гайда представляет собой закручивающуюся спираль, что объяснялось необходимостью раскрыть респондента перед сенситивными блоками «рынок и продажи» и «моральные легитимации». Это объясняется тем, что эти блоки затрагивают тему продажи найденных находок и проблему отношения к закону с вопросами о методах избежания контакта с правоохранителями.

Единственным критерием отбора информантов являлось участие (в прошлом или настоящем) в копательской деятельности. В силу того, что копатели действуют вне правового поля, было непросто найти их и договориться с ними об интервью. Поиск информантов проводился в тематических группах социальных сетей. Сформированная таким образом стихийная выборка дополнялась методом снежного кома, когда информанты делились контактами и по своим каналам «вербовали» новых участников интервью.

Отбор информантов проводился через две онлайн-платформы: Telegram и ВКонтакте. В Telegram был составлен список активных чатов и групп, которые объединяют копателей. Мы пытались договориться с администрацией каналов и дать объявление о проводимом исследовании, но нам отказали. Было принято решение писать личные письма наиболее активным членам чата, которые скидывают фотографии и иные материалы, служащие подтверждением их копательской

деятельности. В социальной сети «ВКонтакте» использовались группы, которые регулярно публикуют фотографии найденных находок, продают их и проводят аукционы непосредственно в социальной сети или на своих сайтах. В данных группах наибольший интерес представляли те, кто регулярно выставляет лоты на продажу, публикует старые карты или найденные находки. Также мы разместили платное анонсирование нашего исследования в тематических группах ВКонтакте с максимальным охватом более 100 тыс. человек. Дополнительно было направлено свыше 260 личных писем и сообщений к потенциальным информантам в Telegram и ВКонтакте.

Чтобы нивелировать проблемы с недоверием со стороны копателей, мы указывали контакты исследователей со ссылками на их страницы в социальных сетях. Необходимо отметить, что для каждого потенциального информанта составлялось индивидуальное письмо с учетом публикуемых им материалов.

В результате нам удалось собрать 13 интервью длительностью от 40 минут до 3-х часов (приложение 1). Количество отказов свидетельствует о сильном недоверии к исследователям со стороны сообщества копателей. При проведении интервью использовался дистанционный формат для сохранения анонимности информанта. Беседы проходили на онлайн-платформах ZOOM и Telegram с обязательной записью, на что было получено информированное согласие.

Для проверки надежности данных использовался метод триангуляции: сопоставлялись высказывания информантов с другими источниками данных (информацией из общих чатов и групп копателей). Также для того, чтоб снизить чувствительность и проверить информантов на противоречивость, было проведено сопоставление смежных элементов. Дополнительно с этой же целью задавались аналогичные вопросы, но уже о других членах сообщества.

Анализ данных

Анализ данных осуществлялся в программе Atlas.ti, где на основе заключительной кодировки было сформировано пять смысловых блоков:

1. Мотивация копа — что сподвигло копателей начать эту деятельность и чем мотивировано ее продолжение.
2. Организационно-технологический аспект — как организован выезд на коп и какие технические средства при этом используются.
3. Отношение к находкам — способы транспортировки и хранения находок у себя или у коллекционеров после продажи.

4. Рынок и сбыт — формы и способы коммерческой организованности в сообществе копателей.

5. Моральные легитимации — как оправдывается нарушение закона на личностном уровне и через апелляцию к групповым нормам и ценностям.

Мотивация копа

Что послужило толчком для этой деятельности? Единого ответа нет. Кто-то с детства мечтал находить клады. Кто-то случайно получил в подарок металлоискатель и решил его опробовать. Кого-то простая попытка очистить ручей при помощи поискового магнита в конечном счете привела к покупке металлоискателя и занятию копом. Для кого-то толчком послужила пандемия, отрезавшая людей от городских и людных развлечений. Для кого-то интерес к любительскому копу начался с поиска погибших солдат. Кто-то подсел на видео о копателях и их находках и после пары лет просмотров созрел для покупки собственного металлоискателя.

«Я начал смотреть видосы, и мне это понравилось. На протяжении двух лет только смотрел видосы» (Информант 8).

Но это всего лишь начало пути. Первый опыт может оказаться последним. Чтобы продолжать этим заниматься, нужна устойчивая мотивация.

Систематизация материалов интервью с копателями позволила выделить спектр мотиваций, лежащих в основе этой деятельности. При этом мотивации могут сочетаться, действуя одновременно, или сменять друг друга в хронологическом порядке.

1. Мотивация, редуцируемая к понятию «интерес к истории».

Бэкграунды таких копателей сильно разнятся, но общим местом является их увлеченность историей. Многие из них интересовались историей еще с детства, а по достижении сознательного возраста приняли решение о покупке металлоискателя. Занятие копом стало практическим продолжением их интеллектуального увлечения. Часто интерес вызывала именно военная история, что является некоторой российской спецификой.

«Но вообще я начал свой путь в кладоискательстве с военной археологии, потому что я вырос в месте, где шли ожесточенные бои» (Информант 11).

Мотив “doing history” сводится к попытке буквально докопаться до исторического знания, что восходит к их скептическому отношению к конвенциональному историческому дискурсу. Копатели недоверчивы к той истории, что описана в книгах, и потому сами пускаются на поиск «истинной истории» в своей деятельности.

«Если человек хочет узнать историю и узнать что-то насчет старины, то все лежит в земле» (Информант 13).

Для некоторых копателей увлеченность историей проявилась уже в достаточно взрослом возрасте. Повзрослев, обретя собственную семью и видя, как «историческая» и «национальная» память передается из поколения в поколение, они начали интересоваться прошлым, что мотивировало заняться копом.

«Я делаю свою коллекцию, я показываю друзьям, я показываю хорошему знакомым, которые могут познакомиться с этими вещами. Они могут их поддержать, потрогать, потому что в музее вам потрогать не дадут» (Информант 10).

Важно отметить, что любители порассуждать о подлинной истории, о важности тактильных ощущений от соприкосновения со стариной могли прийти к копу совершенно случайно. То есть интерес к копу мог возникнуть весьма спонтанно — подаренный друзьями первый металлоискатель, замеченные копатели во время выезда на природу или случайная реклама в интернете. Толчком могли послужить любые, самые неожиданные обстоятельства.

«Мне подарили хороший прибор, типа: „Леха, чтобы ты болтался, искал, лазил, тебе, может быть, будет это интересно“» (Информант 10).

Копатели не только роют землю, но и изучают архивы, сверяются с древними картами, чтобы определить место копа. Они заранее формируют ожидания от каждой такой экспедиции. Представляя, что еще много не раскопанного, не найденного и с каждым днем умирающего ценного исторического материала лежит в земле, они чувствуют в себе неотвратимый порыв к тому, чтобы обнаружить эти артефакты.

«Сам факт, что вот вы вытащили из земли, извлекли двух с половиной тысячелетнюю монету, она теперь в вашей собственности, вы можете смотреть и думать о том, что ее держали в руках какие-то греки, переселенцы, кто угодно. В общем, тут уже играет роль собственная фантазия» (Информант 9).

2. Мотивация к обогащению.

Однако интерес к истории — не единственное, что двигает копателями. Еще одной ярко выраженной мотивацией для копов является

денежная тема. Находки можно выгодно продать. Особенно выражена эта мотивация у искателей черных металлов. Кусок арматуры не содержит исторической ценности, его выкапывают именно для продажи. А вот предметы старины, напротив, очень часто нагружены историческими отсылками при минимальной рыночной цене. Редкая ценность может оказаться в руках у копателя лишь единожды за несколько лет поисков. Другие находки могут и вовсе не представлять из себя достаточной ценности.

«Очень маленькая вероятность, она практически стремится к нулю, того, что на какой-то старой задрипанной деревенской дороге вы найдете действительно какую-то историческую ценность. Вот в основном мы находим такие обычные предметы быта — какие-то пуговицы, какие-то монетки» (Информант 11).

Денежная мотивация особенно характерна для людей с финансовыми трудностями, которые живут за счет копа. Они могут действовать индивидуально или собираться в бригады. Такой способ заработка обусловлен низким порогом входа в эту деятельность (металлоискатель и лопата), попустительством правоохранительных органов, а также открытостью и доступностью местных рынков сбыта.

«Безработных много стало, и в основном если не металлокопом, то монетами занимаются» (Информант 13).

«Да, приходилось, конечно, продавать. Именно не по своей воле, не ради наживы, а ради того, что вот у нас по области по Смоленской сложно с работой после коронавируса. Очень сложно» (Информант 6).

3. Мотивация к коллекционированию.

Занятие копом и сбор находок предполагает некоторое их накопление. Но невозможно накапливать бесконечно. Встает вопрос: что с этим делать? Находки можно раздавать, продавать или оставлять себе, формируя коллекцию.

Именно **коллекционирование** является основной мотивацией для некоторых копателей. Они испытывают восхищение от сбора и упорядочивания однородных предметов. Некоторые такие копатели-коллекционеры признавались, что с детства имели интерес к накоплению календариков, вкладышей, открыток, значков и пр. У кого-то были коллекции, напрямую связанные с копом — антиквариат, монеты, военная атрибутика.

«Мне постоянно хотелось что-то собрать в какой-то комплект. Зачем я это делала — совершенно не понимаю. То есть это именно на уровне интуиции...» (Информант 4).

4. Копание как процесс, сопряженный с острыми ощущениями, с погружением в определенное эмоциональное состояние.

Примечательно то, что сами копатели неоднократно сравнивали занятие копом с наркоманией. Они описывают свое состояние как непреодолимую тягу к поиску информации, к исследованию местности, к изучению карт, к выезду на многочасовые, а иногда и многодневные сборы. Уже взрослые копатели находят в копе некоторую детскую авантюру и дух приключений. А заоблачная перспектива найти что-то уникальное и по-особенному ценное хоть и является призрачной, но манит надеждой на большой улов.

«И вообще, когда ты идешь, ищешь и вдруг слышишь монетный звон, вот этот вот, у тебя сразу вырабатывается адреналин своего рода, своего рода наркомания просто, в голове сразу перебирается, что это может быть» (Информант 10).

5. Коп как форма досуга.

Копатели отмечают, что металлопоиск — это своего рода активный отдых. Выезжая семьей в лес в выходные дни, они могут брать с собой металлоискатель и активно проводить время, обходя доступные территории.

«Это дает мне повод побольше гулять на природе и изучать по крайней мере свой район, свое место, где я проживаю» (Информант 10).

Особенно актуализировался этот мотив в период пандемии, когда поездки в отдаленную и безлюдную местность стали альтернативой прежним прогулкам.

«Тут все просто — отматываем два года назад. Что у нас было? У нас была пандемия. Нас всех закрыли по домам и сказали никуда не ходить. Естественно, можно было ездить только на дачу» (Информант 4).

Что послужило началом этой деятельности? Видим, что единого ответа нет.

Организация деятельности копателей

Копатели — это не просто люди с металлоискателем. Это определенная субкультура. Это сообщество людей со своими традициями и организационными рамками. Для передачи неформальных правил поведения и обучения мастерству копания используются практики группового копа.

Погружаясь в культуру копа, копатели могут находить сообщников как через социальные сети, сборы и сходки, так и знакомиться с ними непосредственно на местности. Несмотря на недоверие к незнакомцам, некоторые копатели предлагают выезды на совместный коп, а копатели-новички выставляют объявления с просьбой взять их на первый выезд. После такого обучения возможны варианты: продолжить копать в составе этих групп, отстраниться и заняться индивидуальным копом или же сформировать свою группу.

«Наставники объяснили, показали очень много для меня, а потом уже пошел сам и дальше уже сам нарабатывал. Больше я с ними уже не виделся. Те, кто там по-серьезному копают, работают группами такими замкнутыми своими, левых не посвящают» (Информант 10).

Организация копа — в группах или поодиночке — может зависеть как от личных предпочтений каждого копателя, так и от сложившихся обстоятельств. Семейное положение, наличие детей и полная рабочая занятость существенно ограничивают возможность кооперации. Другие намеренно выбирают одиночный коп из соображений, что коп является исключительно интимным занятием, требующим высокой концентрации и дистанцирования от копательских групп.

«Но чаще я один езжу. То есть нет у нас какой-то группы. У меня есть знакомый, кто этим занимается, но мы все никак не скооперируемся, чтоб какой-то совместный сделать» (Информант 11).

Необходимость кооперации обусловлена двумя моментами — транспортным вопросом и соображением безопасности. Наличие машины является одним из необходимых условий для выездов на дальние расстояния, ведь копатели везут с собой тяжелые инструменты и экипировку, а потом вывозят находки. В связи с этим, если у одного из копателей из группы есть машина, то совместные выезды производятся на ней, тогда как другие участники оплачивают топливо.

«Раньше я два года просто своим ходом, пока не познакомился с ребятами. Мы с ребятами выезжали на ихних машинах» (Информант 8).

Это же касается и безопасности, которую легче обеспечить в группе. Несмотря на то что во время самого прохода с металлоискателем людям необходимо держаться порознь для предотвращения конфликтующих сигналов, совместная поездка позволяет защититься от многих опасностей и трудностей, которые несет с собой коп. К примеру, от встречи с дикими животными, охотниками, правоохранительными органами, собственниками территорий и др.

«Была же история, пошел в одно место с прибором, после мне сказали, что там мужичок с топором бегаёт. Потому что идиоты

не закопали там ямки и у него корова ногу сломала, и он теперь гоняет всех оттуда» (Информант 3).

Начинается коп с разведки местности. Для этого на местность накладывают старинные карты, содержащие информацию о деревнях, поселениях и торговых путях. Для этих целей можно воспользоваться специальными приложениями, которые предлагают как бесплатные карты, так и платные. Опытные копатели рассказывают, что могут обнаружить правильное место для копа с помощью простых спутниковых карт. Взглянув на рельеф местности, можно предположить не только бывшие населенные пункты, но и расположение в их пределах конкретных жилых строений и объектов совместного пользования.

«Ну по-разному бывает, если ты нашел новое место на карте, в котором ты не был ни разу... Это называется сходить на разведку, можно и одним днем... Ну можно и на парочку дней с ночевкой, с палаткой двинуться» (Информант 5).

Спектр технических средств, которые используют копатели, может быть базовым или продвинутым в зависимости от потребностей и стажа копателя. В базовый набор входят металлоискатель и лопата. Модели металлоискателя могут быть абсолютно разными — от простых до продвинутых. Разница заключается в точности определения сигнала и возможности определять глубину залежи. Продвинутые и дорогие металлоискатели имеют в своем арсенале разные катушки (насадки в нижней части металлоискателя) и уточняющие конфигурации — их можно настроить на поиск исключительно цветных металлов или даже на поиск конкретного цветного металла. Основное требование к лопате заключается в острой заточке для более эффективного копа.

Помимо основного набора копатели могут использовать дополнительные приборы, облегчающие поиск. Основным дополнительным прибором является пинпоинтер, который способен более точно определить расположение искомого предмета в земляном комке, что ускоряет поиск находки и снижает риск ее повреждения лопатой.

«У него большие плюсы, потому что, когда ты, допустим, ищешь, ну, в грязи, капает дождик, еще чего-то... Металлоискатель дает звук, и копаешь, копаешь, и ничего нет. А с пинпоинтером ты это более точно определишь, где чего» (Информант 10).

В зависимости от длительности и дальности поездки копатели помимо еды, медикаментов, кемпинговых принадлежностей, сменной одежды берут с собой средства самозащиты в виде охотничьих ножей и оружия.

«Если надолго ходишь, то... надо брать с собой нож. Если ружье есть, можно далеко от цивилизации. Ну да, потому что медведи всякие, волки бывают, иногда они там воют, часто ходят. Ну я перцовый баллончик беру с собой, думая, что он меня спасет» (Информант 5).

Интересным моментом в практиках копа являются ритуалы копателей, совершаемые перед началом копа. К традиционным практикам относится **задабривание деда Хабары** (духа — покровителя копа) на удачу. Для задабривания духа необходимо закопать в первую ямку какой-то предмет. Это может быть современная монета, конфета, кусок сахара, или можно вылить в ямку немного алкоголя. Считается, что таким ритуалом копатель дает подаяние земле, прежде чем попытается у нее что-то забрать. Кроме того, плохой приметой считается брать с собой на коп старые находки, поскольку они могут отпугнуть удачу. К частным практикам относится молитва перед копом. Копатели желают удачи друг другу, произнося традиционную фразу: **«Всех благ и фарту под катуху»** (фарта — удача, катуха — насадка к металлоискателю).

«Когда едем на коп, в первую ямку, в первый сигнал я всегда стараюсь бросить монетки современные. Бывает, какие-нибудь конфетины, еще чего-нибудь тоже дедушке Хабару закапываем» (Информант 4).

На основе отношения копателя к собственному делу можно разграничить копателей на тех, для кого это хобби, и тех, кто имеет профессиональный подход. Первые занимаются выездом в свободное время, часто это выезды выходного дня, они имеют базовый набор технических средств и чаще копают поодиночке. Выезд у них происходит в регионе проживания, недалеко от дома или дачи.

«Самое большое, что я отсюда отъехал, от городка, — двадцать пять километров» (Информант 3).

Те же, кто занимается копом более профессионально, чаще имеют широкий арсенал инструментов, несколько металлоискателей и разнообразный набор катушек. Их выезды могут происходить на более дальние расстояния, в том числе за пределы региона проживания. Выезды могут быть долгосрочными, вплоть до нескольких дней, с проживанием в палатках. Групповая коммуникация с сообществом более налажена, выезды производятся группами для эффективного разведывания территории и строевого прохода по ней. Профессионалы отличаются от любителей технической оснащенностью, а также временем, которое они затрачивают на эту деятельность.

«Мы копаем вокруг Москвы. То есть не Московская область, а прибрежные, прибрежные области, прямо по кругу. И плюс еще в Карелии. Пару раз в Карелию выезжаем, но больше на военную археологию» (Информант 2).

Таким образом, с точки зрения организации деятельности копатели делятся на одиночек и работающих в составе групп, а также на любителей и профессионалов. При этом нет взаимного соответствия этих групп: профессионалы, как и любители, могут работать индивидуально или бригадами.

Обращение с находками

В этом разделе мы опишем формы обращения с найденными предметами старины, а также смыслы, вкладываемые в решение оставить или продать находку.

Транспортировка и хранение находок

Транспортировка и хранение находки зависит от ее рыночной стоимости, которая является производной от ее исторической ценности, а иногда ее синергетической ценности для коллекции копателя.

«Понятно, если находки хрупкие, их, конечно, в пакетики там, в какую-то специальную коробочку, чтобы, не дай бог, не сломать, не повредить» (Информант 1).

Золотые монеты и украшения могут перевозиться в конвертах или свертках ткани, хранятся они в отдельных альбомах, в то время как дешевые находки из меди или серебра могут перевозиться в карманах и храниться в банках. Дешевые находки чаще становятся объектами дарения или мелкой перепродажи, поскольку их изобилие не несет какой-либо ценности для пополнения личной коллекции.

«Из этой сотни монет хороших было... Штуки три, наверное, в сохране, все остальное — просто медь. Грубо говоря. Я эти монеты в банку сложил, и за три года целая банка накопилась, я просто сходил и сдал в металлолом» (Информант 5).

«Их много накопилось, пять штук, я думаю, куда мне их столько, а выкидывать жалко, я их на „Авито“ выставил» (Информант 5).

Чрезмерное изобилие не нужных для коллекции копателя находок и переполненность ими рынка приводит к снижению их ценовой и символической ценности. Для начинающих копателей каждая находка может занимать свое особенное место в коллекции, но по мере накопления находок их ценность снижается.

Коллекционирование

Многие копатели сохраняют находки в собственных коллекциях. При сохранении находок копатели рассматривают их как артефакт, через который возможно приобщиться к истории. Предмет старины становится связующим звеном между прошлым и нынешним обладателями.

«То есть, конечно, мне тоже хочется там, насмотревшись, сделать какое-то панно, хочется там написать по каждому кресту, в каком районе он был найден, чтобы это оставалось не просто как декоративное, а чтобы несло какую-то еще историческую ценность» (Информант 4).

«Это ведь была чья-то вещь с историей, это вообще космос, потому что ты можешь себе представить, где эта вещь была, как ею пользовались» (Информант 2).

«Очень многие находки непонятно как сделаны, то есть очень какие-то совершенные технологии» (Информант 1).

Коллекционирование не принимает вида закрытого хранения, а, наоборот, находки собираются в панно или альбомы, становясь демонстрацией респектабельности и историко-культурной осведомленности коллекционера. Сами предметы старины воспринимаются как продукты творческой деятельности людей прошлого. Собственно, их аккумулированная историко-культурная ценность в виде панно или вписанных в интерьер коллекционных наборов создает вид респектабельности копателя.

Дополнительным стимулом сохранять предметы старины выступает желание создать наследие и приобщить своих потомков к истории. Это может быть попыткой формирования и укоренения семейных традиций; приобщения к родовой истории через приобщение потомков; трансформации символической значимости находки с исторической на семейную.

«Монеты останутся в коллекции, останутся для потомков, для детей, для внуков, для правнуков, которые будут держать те же самые две копейки» (Информант 12).

«Конечно, мне хотелось бы, чтобы мои дети передавали какие-то вещи по наследству, чтобы ценили это» (Информант 4).

Таким образом, может происходить слияние исторических и семейных ценностей в символическом значении предмета старины, что способствует формированию внутрисемейной историко-родовой приобщенности. Сохранение находок в своих коллекциях зависит от потребности конструировать образ респектабельности и приобщаться к истории посредством коммуникации с «историчностью» предметов старины.

Продажа находок

Часть найденных при раскопках находок продается. (Организации этого рынка будет посвящен следующий раздел.) Если копатели не в состоянии оставить себе предметы старины из-за финансовых причин или низкой ценности находки для своей коллекции, они продают их в частные руки. Возникает вопрос: почему любители истории продают находки, а не сдают их в музей?

Наше исследование показывает, что такой выбор не сводится исключительно к материальному интересу копателей. Продажа находок имеет более сложное обоснование. Информанты указывают, что продажа предметов старины способствует не столько личному обогащению, сколько сохранению предметов старины. В частных коллекциях находки хранятся в качественно лучших условиях, чем у самих копателей или в музеях.

Претензии к музеям сводятся к нескольким пунктам:

- несовершенство условий хранения в музейных фондах,
  - недоступность значительной части фондов для обозрения обывателей,
  - воровство из музейных фондов, подмена оригиналов подделками.
- «Опять же наши все музеи, девяносто процентов это все муляж, это все новодел называется» (Информант 1).*

«В музеях все уже разграбили, продали, все за границу вывезли, ничего нет толком посмотреть в музеях» (Информант 13).

Кроме того, копатели видят в музейных работниках лоббистов ужесточения запрета на частный коп, что усиливает их нежелание сотрудничать с музеями.

«Монет, которые и не представляют никакой ценности, тьма. Они во всех музеях, во всех запасниках в корзинах, в сундуках, они никому не нужны, но нам нельзя их копать» (Информант 12).

Рынок и сбыт

В данном разделе определим способы и формы коммерческой организованности внутри сообщества копателей, включая оценку найденных предметов, их сбыт и бартерный обмен.

Оценка предметов старины

Оценка находок происходит путем размещения постов в социальных сетях с целью получить информацию от сообщества. Возможно

и прямое обращение к локальным экспертам в крупных чатах. Информанты указывают, что в случае обнаружения неизвестного предмета старины копатель может опубликовать бесплатный пост в ВК или загрузить фотографию в один из чатов в Telegram или ВКонтакте.

«Когда попадает вещь, с которой я, допустим, раньше не сталкивался, да, я могу... в этих пабликах как на определение выставить, спросить у людей, что вы можете сказать об этой вещи. Что это вообще такое?» (Информант 7).

«А в основном вот у нас в чатах, на форумах скидываешь фотографию на оценку. И уже идут комментарии, и ты им пишешь — хочу продать» (Информант 6).

Таким же способом находки проверяются на подлинность, если они были приобретены через сомнительные каналы (блошинные рынки, у продавцов возле исторических памятников). Необходимо подчеркнуть, что финансовая ценность находки выражается через ее «историчность», которая в дальнейшем переводится в стоимостной эквивалент.

Необходимо отметить, что в ходе такого оценивания копатели и эксперты преследуют различные цели. Копатель желает знать истинную ценность находки, а оценщик может занижать цену с целью ее выкупа. С этим связан низкий уровень доверия копателей к экспертам. Соответственно, для нивелирования риска копатели практикуют перекрестную оценку, показывая находку нескольким специалистам и аккумулируя итоговую информацию от экспертов-копателей.

«Тогда такой эксперт, обладая знаниями, выкупает такую монету у копателя задешево и становится обладателем редкости, которую можно либо оставить у себя в коллекции, либо перепродать ее коллекционеру, который тоже понимает, что это монета редкая и ценная, но уже совсем за другие деньги» (Информант 9).

Также помимо экспертов-копателей в интернет-сообществах присутствуют официально дипломированные специалисты, включая профессиональных археологов, научных сотрудников. Они выкупают интересующие их находки либо собирают информацию для своих научных изысканий.

«Я определяю эти монеты, то есть идет взаимовыгодный обмен. И люди, которые с научной точки зрения подходят в нумизматике, все пользуются услугами, все» (Информант 9).

«Поскольку копатель охватывает гораздо большее количество регионов, вы получаете сразу большой массив информации, если за этим следить. Таким образом, к вам скапливается информация гораздо

больше и массивнее, чем если вы поедете в археологическую экспедицию» (Информант 9).

Опрошенный эксперт-оценщик указал на то, что публикуемые копателями материалы представляются более обширными и легкодоступными, нежели музейные фонды. Ученые, поддерживающие связи с копателями, могут узнавать о месте нахождения находок, их количестве, глубине залегания и т. д., что дает им «инсайдерскую» информацию для своих публикаций, а в обмен они проводят оценку и дают дополнительную информацию по предметам старины. Это один из примеров взаимовыгодной коммуникации «обыденного» знания археологов-любителей с представителями конвенциональной академии.

Сбыт находок

В сбыте продукции необходимо разделять сдачу черных металлов и продажу предметов старины.

Сдача черных металлов может давать дополнительный доход или служить основным заработком. Эта деятельность может проходить в правовом поле, что минимизирует риски столкновений с правоохранительными органами и археологами. С другой стороны, сдача металла может быть не самоцелью, а лишь сопровождением поиска предметов старины. Так, сдача металла может покрывать расходы на выезд (горючее, продукты, покупка амуниции, технические приспособления и т. д.) или же становится финансовой поддержкой на время длительных поисков предметов старины.

«Безработных много стало, и в основном если не металлокопом, то монетами занимаются» (Информант 13).

Черные металлы сбывают в приемных пунктах. С предметами старины сложнее из-за налагаемых законами ограничений. Информанты указывают, что дорогие находки продаются через известных им посредников, а предметы низкой стоимости могут проходить через интернет-аукционы или общественные торговые площадки по типу «Авито».

На основе высказываний информантов можно выделить несколько каналов сбыта находок:

1. Через сеть лично знакомых коллекционеров и владельцев антикварных магазинов.

2. Через сеть «перекупов» или «барыг» — группы торговцев, которые занимаются продажей любых товаров (от старинных монет до наград ВОВ, икон, холодного оружия и т. д.).

3. Через интернет — посредством аукционов или прямых продаж через тематические группы посредством P2P-торговли.

Необходимо указать, что дорогостоящие предметы сбываются по первым двум каналам исключительно через закрытую систему личных связей. Также копатели не смогли реконструировать (или не захотели) систему циркуляции предметов старины от перекупщика до конечного потребителя. То есть в цепочке от копателя до потребителя есть неизменное звено: копатель — перекупщик — неизвестные агенты — конечный покупатель. При продажах через интернет копатель и покупатель взаимодействуют напрямую, но при торговле через посредников нельзя отследить все звенья и каналы сбыта предметов старины.

«Какие-то дешевые вещи и на площадках можно купить, да. А дорогие вещи только через знакомых, никто ни на площадках, ни через интернет-аукцион не продает» (Информант 1).

Продажи через интернет осуществляются посредством P2P-торговли, но таким образом продаются только относительно дешевые находки. Продажа основана на доверии покупателя, поскольку он авансом оплачивает предмет старины, а затем ждет почтовой посылки. Парадоксально, что в сообществе с крайне низким уровнем доверия активно функционирует обмен, полностью основанный на доверии. Так происходят продажи на территории РФ.

Для продажи за пределами страны используются личные связи и закрытые каналы связи. P2P-торговля не используется по нескольким причинам. Дело в том, что копатели опасаются преследования за продажу культурных ценностей за рубеж. Но есть и такие копатели, которые проявляют гражданскую позицию и отказываются продавать антиквариат за пределы РФ.

Дарообмен

В сообществе копателей распространена практика обмена подарками. В качестве таковых выступают находки копа. Этот дарообмен предметами старины нельзя считать формой бартера. Бартер предполагает стоимостную эквивалентность обмениваемых благ, это тот же рыночный обмен, но в отсутствие денег. В данном случае обмен подарками является частным случаем реципрокных взаимодействий, при которых форма, сроки и стоимость ответного дара не оговариваются, что вовсе не снимает с принимающего подарок негласное обязательство ответного дара. Реципрокные обмены не предполагают эквивалентность стоимости дара и отдара, а также не преследуют цели максимизации

выгоды. Дарообмен, скорее, направлен на формирование устойчивых взаимодействий в социальной сети копателей.

«И так как мы с ребятами общаемся, они присылают подарки, а я взамен тоже какие-то свои находки. Ну да, наверное, это обмен. Но мы не договариваемся о том, чем мы обмениваемся, то есть это просто, чисто там, типа, — ты мне пришлешь подарок, а я тебе взамен тогда тоже чего-нибудь пришлю» (Информант 2).

Несмотря на то что копатели могут ожидать схожих посылок от других, это скорее механизм создания и укрепления связей и статусов внутри сообщества. Установление более тесных связей способствует формированию групповых выездов, что увеличивает охват территории поиска.

Моральные легитимации

Занимаясь противоправными действиями, копатели вырабатывают систему легитимации своей активности. Такая легитимация затрагивает как личные правила копателей на основе собственных убеждений или принятых в сообществе «традиций», так и восприятие законов, регламентирующих коп.

Традиционным правилом, которого придерживаются без исключения все копатели, является закапывание ямок за собой и за другими копателями. Это правило обосновано эстетической нормой: оставить место раскопок приближенным к тому, каким оно было до вмешательства, а также попыткой защитить скот от травм.

«У копаря есть определенный кодекс чести, что ямки надо закапывать» (Информант 9).

Перед каждым копателем стоит моральный выбор, где он готов совершать раскопки. По условиям законодательства копать людям запрещено практически везде, кроме собственного дачного участка. Однако найти место для копа, которое не содержало бы культурного слоя и не являлось бы чьи-то объектом собственности, хоть и чрезвычайно сложно, но возможно. Выбор места копа зависит от моральных правил копателя.

«Ну не копать рядом с церквями, на кладбищах на старых не копать. Но это мне кажется банально и полные только, наверное, отморозки не поймут» (Информант 11).

Копатели неоднородны с точки зрения принятых ими табу. В нашем исследовании нам встречались люди двух крайностей и промежуточного положения — те, кто копает исключительно «по закону», и те, кто им

пренебрегает и готов копать что угодно, в том числе предметы войны, могилы и курганы.

«Белые» копатели намеренно избегают каких-либо проблем, которые могут возникнуть в результате занятия любимым хобби, они тщательно изучили закон и могут даже носить с собой его распечатки для предъявления правоохранительным органам.

«Я сказал им, вот, смотрите, я сюда пришел не зря время тратить. Сперва ознакомьтесь с документами, а потом будете предъявлять мне. Я отдал им отсканированную копию этого закона и сказал: у меня мало времени. Ознакомьтесь, потом вопросы можете задавать, но я пока побегу по полю» (Информант 13).

Другая крайность — «черные» копатели: демонстрируют полное пренебрежение законами, моральными и этическими нормами, а также собственной безопасностью.

«Ну раскопали этого пана, все, что при нем было, я не знаю, забрали. Ну а кости оставили на поверхности» (Информант 6).

Между этими полюсами находится многочисленная группа «серых» копателей. Они могут отказываться копать в очевидно незаконных местах — на могилах, курганах и археологических памятниках, — однако игнорируют законы о культурном слое, частной собственности и других запретах на места, где можно производить коп.

Несмотря на то что копатели активно критикуют законодательные ограничения копа, они признают их разумную необходимость. Протест вызывает не само государственное регулирование, а ситуация, когда жесткость закона парадоксальным образом уживается с неоднозначностью норм.

«Но как так получается, что закон имеет две стороны — как бы бери, но и нельзя. Вот так же и с копательством. Ты ходи, но и нельзя» (Информант 3).

Критика закона направлена в первую очередь на его репрессивность. Копатели не видят смысла в ограничении копа для простых «серых» копателей и считают, что их незаслуженно смешивают с поистине «черными» копателями.

«Я считаю, что только одними лишь репрессивными мерами и репрессивными статьями вопрос этот не решить» (Информант 11).

«То есть если ты копнул, и там у тебя вышла вещь, которой больше ста лет, значит, ты нарушил культурный слой земли» (Информант 1).

Из предложений с их стороны выдвигается введение в России Британской системы взаимодействия с копателями с возможным выкупом находок государством, лицензирование копа по системе промышленного

рыболовства и ослабление существующих законодательных ограничений для поиска (культурный слой и возраст находок).

В среде копателей распространено негативное отношение к «черным» копателям, так как они своими действиями дискредитируют коп как таковой. «Черные» копатели настраивают профессиональных археологов против копателей, не делая скидку на их внутренние различия.

«Ну вы знаете, вот эти законы... Словом, я отношусь хорошо, потому что много людей, которые... Никакими принципами не руководствуются, они какие-то захоронения грабят, тот же самый курган» (Информант 7).

«Мы живем в цивилизованном мире, и, соответственно, везде, в любом месте должны быть правила, законы и должна быть черта, которую нельзя переступать» (Информант 13).

Таким образом, копатели дифференцированы по степени моральных обременений и уважения к закону. На этой основе производится разграничение на белых — серых — черных копателей. Первые соблюдают принятые сообществом правила, с пониманием относятся к законам. Последние же открыто презируют закон, не всегда следуют традиционным правилам сообщества. Впрочем, «черные» копатели не считают, что занимаются чем-то предосудительным. По большей же части копатели видят в своих действиях праведное спасение хиреющих находок, что и можно заметить в их повествовании.

«Поэтому то, что люди пытаются это поднять, изучить, посмотреть, и этот интерес, он неспроста, как бы, и он, его нельзя запретить, этот интерес людям к истории. Ну это просто аморально запретить людям интересоваться историей» (Информант 1).

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам взглянуть на деятельность копателей как на комплекс социальных практик, охватывающих как поиск предметов старины, так и их встраивание в рыночное пространство.

Мы выявили мотивации копателей — стремление заработать на находках, расширить знания истории, провести досуг в компании единомышленников, собрать или пополнить коллекцию. Также была описана палитра различных моделей организации копа — одиночный или групповой коп, профессиональный или любительский. Эти организационные модели предполагают различный уровень технической оснащенности копателей, а также сложности осваиваемых ими

маршрутов. Дифференциация копателей по мотивам и оргмоделям приводит к различиям в конфигурациях цепей оценки и сбыта находок.

Важно отметить, что, несмотря на выявленную дифференциацию, опрошенные нами копатели оказались более или менее явными археологами-любителями. Практика их металлопоиска расширяется «историческим» измерением, актуализируемым в выкапываемых предметах. «Историчность» находок наделяет их символическим значением, позволяющим осуществить «пересборку» результатов копа в элемент коллекции или предмет продажи. Более того, эта «историчность» распространяется и за пределы непосредственной копательской деятельности — именно она кладется в основу экономизированности выкапываемого из земли.

Далее мы увидели влияние процесса морализации, что распространяется как на «Хабара», так и на самих копателей. «Моральность» собственной деятельности и ее проекция на выкапываемый объект подкрепляют его товарность, создавая возможность экономизации. Не в последнюю очередь это происходит и через актуализацию «исторического» измерения: копатель не просто выкапывает и продает, но позволяет появиться этой «историчности» и стать достоянием общества, которому «нужна» своя история, получаемая не только от академической науки, но и от «простых людей», занимающихся копом. «История» выходит за границы музея и текста и начинает жить в «обычных» руках.

Также мы смогли взглянуть и на процесс формирования актор-сетей, взаимодействие между которыми опосредовано выкопанными предметами: создаются тематические сообщества (онлайн и офлайн), в них выделяются экспертные группы оценщиков, знатоков истории, археологов (в том числе имеющих отношение к конвенциональной академии), известных коллекционеров и просто мастеров копательского дела. Далее смогли выяснить, как происходит оценка и каковы каналы реализации находок на рынке. Так, продажа малоценных находок может осуществляться через тематические группы посредством P2P (person to person) или аукционы, а дорогостоящие вещи реализуются исключительно через личные каналы связей. При этом копатели редко имеют дело с конечными потребителями ценных находок, ограничиваясь контактами с «барыгами» или владельцами антикварных магазинов. Эта разветвленная сеть существует несмотря на юридический статус самой практики копа и предметов старины.

Наше исследование носило разведывательный характер с немалыми ограничениями по сбору данных. Однако мы нашли точки входа в довольно закрытое сообщество через особо заинтересованных в общении

и собственном рассказе копателей. Поэтому нам кажется важным предложить дальнейшие перспективы развития исследований по теме как для нас самих, так и для заинтересованных коллег.

В перспективе мы считаем, что для большей насыщенности описания необходима более обширная полевая работа — проведение включенного наблюдения. Выезд и прямое участие в металлопоиске существенно поможет в построении более комплексных и одновременно партикулярных картин этой практики. То же можно сказать и об участии в аукционах, выставках и барахолках. Выйдя за рамки интервью, исследователь копательской деятельности сможет непосредственно проследить за реализацией всех «измерений», обозначенных нами. Речь идет о производстве «историчности», морализаций и экономизаций уже не со слов, но из практик участников этих актуализаций.

Тем не менее работа в рамках интервью также может быть продолжена, особенно если такой преемник будет заинтересован во взаимодействии «научного» знания с «обыденным». Позиция работников музеев и академии раскрыта нами только через опубликованные тексты. Однако наше исследование показало, что на деле взаимодействие этих «миров» не ограничивается призывами к уничтожению, а вполне себе живо за пределами этих официальных источников.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Барсуковой Светлане Юрьевне за передачу своего опыта написания статей, глубокую и конструктивную критику различных частей работы, которая позволила нам значительно улучшить качество материала, а также за проявленное терпение. Отдельно хотим поблагодарить 13 копателей, которые решили выйти на контакт с исследовательской группой и дали развернутое интервью, где поделились своим опытом и ответили на самые щепетильные вопросы.

Acknowledgements

The authors express their gratitude to Barsukova Svetlana Yuryevna for sharing her experience in writing articles, deep and constructive criticism of various parts of the work, which allowed us to significantly improve the quality of the material, as well as for her patience. In addition, we want to thank 13 diggers who decided to get in touch with the research team and gave a detailed interview, where they shared their experience and answered the most sensitive questions.

Приложение

Таблица 1

Краткая информация по информантам

Продолжительность	Данные об информанте			
	Идентификатор	Пол	Возраст, лет	Стаж копателя, лет
0:53:00	Информант 1	М	≈40–50	≈15
1:28:59	Информант 2	Ж	≈35–45	≈15
1:00:51	Информант 3	М	≈60	2
1:03:24	Информант 4	Ж	≈40–50	3
1:35:31	Информант 5	М	29	7
1:21:39	Информант 6	М	27	≈15
1:32:36	Информант 7	М	≈25	2
1:09:26	Информант 8	М	≈20–25	≈3
3:14:18	Информант 9	М	≈40–50	≈5
0:55:52	Информант 10	М	≈40	≈7
0:41:26	Информант 11	М	≈30	≈3–4
1:20:49	Информант 12	М	≈60	≈15
1:03:06	Информант 13	М	≈30–40	≈13

Источники

Арцыбашева Т. Н. Клад и кладоискательство в этимологии, типологии и современной жизни. Ученые записки // Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. — 2015. — № 1 (33). — С. 1–9.

Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта // Journal of Economic Sociology. — 2000. — № 1 (1). — С. 13–24.

Бердинских В. А. История кладоискательства в России. — М.: Захаров, 2005.

Де Лаэт М., Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Логос. — 2017. — Т. 27, № 2 (117). — С. 171–232.

Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыбацких бухты Сен-Бриё // Логос. — 2017. — Т. 27, № 2 (117). — С. 49–94.

Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. — 2002. — Т. 35, № 5–6. — С. 1–32.

Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. — 2017. — Т. 27, № 2 (117). — С. 95–156.

Мол А. Множественное тело: Онтология в медицинской практике. — Пермь: Гиле Пресс, 2017.

Руденко Н. Больше, чем один — меньше, чем два: понятие и методология артикуляции множества в акторно-сетевой теории // Логос. — 2018. — Т. 28, № 5 (126). — С. 113–136.

Русланов Е., Русланова Р., Воробьева С. Субкультура «черных копателей» Республики Башкортостан: проблемы и решения // Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и в конфликте. — 2014. — С. 62–65.

Таммазо В. Погружаясь в магму: как подходить к исследованию разногласий с помощью акторно-сетевой теории // Логос. — 2018. — Т. 28, № 5 (126). — С. 53–84.

Тузбеков А. И. Социальные сети как ресурс в исследовании деятельности «кладоискателей» (пример Республики Башкортостан) // Социодинамика. — 2019. — № 12. — С. 126–133.

Широков А. Политика объяснения и стратегия описания Бруно Латура: как писать инфрарефлективные тексты // Социологическое обозрение. — 2019. — Т. 18, № 1. — С. 186–217.

Barford P. Some aspects of the collection-driven exploitation of the archaeological record in England and Wales // Revista d'arqueologia de Ponent. — 2020. — No. 30. — P. 101–125.

Beckert J., Wehinger F. In the shadow: Illegal markets and economic sociology // Socio-Economic Review. — 2013. — Vol. 11, No. 1. — P. 5–30.

Beckert J., Dewey M. The social organization of illegal markets // The architecture of illegal markets / Eds. J. Beckert, V. Dewey. — Oxford: Oxford University Press, 2017. — P. 1–35.

Çalışkan K., Callon M. Economization, part 1: shifting attention from the economy towards processes of economization // Economy and society. — 2009. — Vol. 38, No. 3. — P. 369–398.

Çalışkan K., Callon M. Economization, part 2: a research programme for the study of markets // *Economy and society*. — 2010. — Vol. 39, No. 1. — P. 1–32.

Deckers P., Lewis M., Thomas S. Between two places: Archaeology and metal-detecting in Europe // *Open Archaeology*. — 2016. — Vol. 2, No. 1. — P. 426–429.

François P. A French Institutionalism in Economic Sociology? // *Handbook of Economic Sociology for the 21st Century: New Theoretical Approaches, Empirical Studies and Developments* / Ed. A. Maurer. — Cham: Springer International Publishing, 2021. — P. 63–77.

Geertz C. Chapter 1. Thick Description: Toward an interpretive theory of culture // *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. — N. Y.: Basic Books, 1973. — P. 3–30.

Gill D. The portable antiquities scheme and the treasure act: Protecting the archaeology of England and Wales? // *Papers from the Institute of Archaeology*. — 2010. — No. 20. — P. 1–11.

Lewis M. A detectorist's utopia? Archaeology and metal-detecting in England and Wales // *Open Archaeology*. — 2016. — Vol. 2, No. 1. — P. 127–139.

Levin P. Culture and markets: How economic sociology conceptualizes culture // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. — 2008. — Vol. 619, No. 1. — P. 114–129.

Mackenzie S., Yates D., Beckert J., Dewey M. What is grey about the “grey market” in antiquities // *The architecture of illegal markets: Towards an economic sociology of illegality in the economy* / Eds. J. Beckert, V. Dewey. — Oxford: Oxford University Press, 2017. — P. 70–86.

Muniesa F., Millo Y., Callon M. An introduction to market devices // *The Sociological Review*. — 2007. — No. 55. — P. 1–12.

Thomas S. Editorial: Portable antiquities: archaeology, collecting, metal detecting // *Internet Archaeology*. — 2013. — No. 33.

Zelizer V. A. *Economic lives*. — Princeton: Princeton University Press, 2010.

Белецкая Е. Исторический улов: спасатель из Беларуси нашел в реке 600-летний рыцарский меч. [Электронный ресурс]: Вокруг Света [сайт]. 27.09.2021. — URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/istoricheskii-ulov-spasatel-iz-belarusi-nashel-v-reke-600-letnii-rycarskii-mech-id837892/?ysclid=197884d0r5682682227> (дата обращения: 09.01.2022).

Классификация кладоискателей, или Копатель копателю рознь... [Электронный ресурс]: Копанина.рф [сайт]. 28.07.2013. — URL: <https://копанина.рф/publ/1/1/5-1-0-289> (дата обращения: 10.11.2021).

Список стран, где поиск с металлоискателем разрешен и запрещен (обновлен). [Электронный ресурс]: МД Арена [сайт]. 10.11.2017. — URL: <https://md-arena.com/spisok-stran-gde-razreshen-i-zapreshhen-poisk-s-md/> (дата обращения: 10.11.2021).

Классификация кладоискателей. [Электронный ресурс]: MESTOKLADA [сайт]. 27.09.2014. — URL: <http://mestoklada.ru/blog/zametki/719.html> (дата обращения: 14.11.2021).

Как мы нашли самый большой клад викингов. [Электронный ресурс]: МДРегион [сайт]. 20.10.2017. — URL: <https://www.mdregion.ru/o-kladoiskatelstve/28-rasskazi-kladoiskatelstvo/3306-kak-my-nashli-samyi-bolshoi-kad-vikingov.html?ysclid=1978c2g8fo241287739> (дата обращения: 10.10.2021).

References

- Arцыбашева Т. Н. Клад и клadoискател'ство в етимologii, типologii и современной zhizni [Treasure and treasure hunting in etymology, typology and modern life]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no 1 (33), pp. 1–9. (In Russ.)
- Barford P. Some aspects of the collection-driven exploitation of the archaeological record in England and Wales. *Revista d'arqueologia de Ponent*, 2020, no 30, pp. 101–125.
- Barsukova S. Yu. Neformal'naya ekonomika: prichiny razvitiya v zerkale mirovogo opyta [Informal economy: the reasons of development in the mirror of the world experience]. *Journal of Economic Sociology*, 2000, no 1 (1), pp. 13–24. (In Russ.)
- Beckert J., Dewey M. The social organization of illegal markets. *The architecture of illegal markets: Towards an economic sociology of illegality in the economy*, 2017, pp. 1–38.
- Beckert J., Wehinger F. In the shadow: Illegal markets and economic sociology. *Socio-Economic Review*, 2013, no 11 (1), pp. 5–30.
- Berdinskih V. A. *Istoriya kladoiskatel'stva v Rossii: [Monografiya]* [The history of treasure hunting in Russia]. Moscow, Zaharov, 2005. (In Russ.)
- Çalışkan K., Callon M. Economization, part 1: shifting attention from the economy towards processes of economization. *Economy and society*, 2009, no 38 (3), pp. 369–398.
- Çalışkan K., Callon M. Economization, part 2: a research programme for the study of markets. *Economy and society*, 2010, no 39 (1), pp. 1–32.
- De Laet M., Mol A. The Zimbabwe bush pump: Mechanics of a fluid technology. [Russ ed.: Zimbabvjskij vtulochnyj nasos: mekhanika tekuchej tekhnologii]. Transl. from eng.: A. Salin, E. Bykov. *Logos*, 2017, no 27 (2 (117)), pp. 171–232. (In Russ.)
- Deckers P., Lewis M., Thomas S. Between two places: Archaeology and metal-detecting in Europe. *Open Archaeology*, 2016, no 2 (1), pp. 426–429.
- François P. A French Institutionalism in Economic Sociology? *Handbook of Economic Sociology for the 21st Century: New Theoretical Approaches, Empirical Studies and Developments*. Cham, Springer International Publishing, 2021, pp. 63–77.
- Geertz C. Chapter 1. Thick Description: Toward an interpretive theory of culture. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York, Basic Books, 1973, pp. 3–30.
- Gill D. The portable antiquities scheme and the treasure act: Protecting the archaeology of England and Wales? *Papers from the Institute of Archaeology*, 2010, no 20, pp. 1–11.
- Kallon M. Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St Briec Bay [Russ. ed.: Nekotorye elementy sociologii perevoda: priruchenie morskikh grebeshkov i rybolovov buhty Sen-Briyo]. Transl. from eng.: K. Mayorova. *Logos*, 2017, no 27 (2 (117)), pp. 49–9. (In Russ.)
- Latour B. Give me a laboratory and I will raise the world [Russ. ed.: Dajte mne laboratoriyu, i ya perevernu mir]. Transl. from eng.: P. Kusliy. *Logos*, 2002, no 35 (5–6), pp. 1–32. (In Russ.)
- Latour B. Visualization and cognition. [Russ. ed.: Vizualizaciya i poznanie: izobrazhaya veshchi vmeste.] Transl. from eng.: M. Maslyukova, M. Rastorgueva, S. Gavrilenko. *Logos*, 2017, no 27 (2 (117)), pp. 95–156. (In Russ.)
- Levin P. Culture and markets: How economic sociology conceptualizes culture. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, no 619 (1), pp. 114–129.
- Lewis M. A detectorist's utopia? Archaeology and metal-detecting in England and Wales. *Open Archaeology*, 2016, no 2 (1), pp. 127–139.
- Mackenzie S., Yates D., Beckert J., Dewey M. What is grey about the “grey market” in antiquities. *Beckert J., Dewey M. (Eds.) The architecture of illegal markets: Towards an economic sociology of illegality in the economy*. Oxford, Oxford University Press, 2017, pp. 70–86.
- Mol A. *The body multiple: Ontology in medical practice* [Russ. ed.: Mnozhestvennoe telo: Ontologiya v medicinskoj praktike]. Transl. from eng.: K. Mayorova, V. Guseynov,

D. Kozhemyachenko, G. Kononov, V. Legeydo, M. Menshikov, A. Pavlova, A. Salin. Perm', Gile Press, 2017. (In Russ.)

Munies F., Milló Y., Callon M. An introduction to market devices. *The Sociological Review*, 2007, no 55, pp. 1–12.

Rudenko N. Bol'she, chem odin-men'she, chem dva: ponyatie i metodologiya artikulyacii mnozhestva v aktorno-setevoj teorii [More than one — less than two: the concept and the methodology of enactment of multiplicity in Actor-Network theory]. *Logos*, 2018, no 28 (5 (126)), pp. 113–136. (In Russ.)

Ruslanov E., Ruslanova R., Vorob'eva S. Subkul'tura “chernyh kopatelej” Respubliki Bashkortostan: problemy i resheniya [Subculture of “black diggers” of the Republic of Bashkortostan: problems and solutions]. *Aktual'naya arheologiya 2. Arheologiya v sovremenom mire: v kontakte i v konflikte*, 2014, pp. 62–65. (In Russ.)

Shirokov A. Politika ob'yasneniya i strategiya opisaniya Bruno Latoura: kak pisat' infrarefleksivnye teksty [The Politics of Explanation and the Strategy of Description of Bruno Latour: How to Write Infra-reflexive Texts]. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2019, no 18 (1), pp. 186–217. (In Russ.)

Thomas S. Editorial: Portable antiquities: archaeology, collecting, metal detecting. *Internet Archaeology*, 2013, no 33.

Tommazo V. Diving in Magma: How to Explore Controversies with Actor-Network Theory [Russ. ed.: Pogruzhayas' v magmu: kak podhodit' k issledovaniyu raznoglasij s pomoshch'yu aktorno-setevoj teorii]. Transl. from eng.: E. Zotova. *Logos*, 2018, no 28 (5 (126)), pp. 53–84. (In Russ.)

Tuzbekov A. I. Social'nye seti kak resurs v issledovanii deyatelnosti “kladokatelej” (primer Respubliki Bashkortostan) [Social networks as a source for research of “treasure hunters” activities (an example of The Republic of Bashkortostan)]. *Sociodinamika*, 2019, no 12, pp. 126–133. (In Russ.)

Zelizer V. A. *Economic lives*. Princeton, Princeton University Press, 2010.

Хомченко Даниил Юрьевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
dyukhomchenko@edu.hse.ru

Шмидова Елизавета Павловна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
liza.shmidova@yandex.ru

Щербак Роман Сергеевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
romezz0@gmail.com

Khomchenko Daniil U., National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.
dyukhomchenko@edu.hse.ru

Shmidova Elizaveta P., National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.
liza.shmidova@yandex.ru

Shcherbak Roman S., National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.
romezz0@gmail.com